

Нэт Инсекта

УТОПИЯ

Код пробуждения

Нэт Инсекта

Утопия: код пробуждения

«Автор»

2026

Инсекта Н.

Утопия: код пробуждения / Н. Инсекта — «Автор», 2026

У Марии есть всё: работа мечты, личный помощник «Эхо», высокий социальный рейтинг. И только одна странность — каждую ночь ей снятся чужие дети. Система называет это сбоем. Но когда лучший друг Марк начинает собирать на неё досье, Мария понимает: её сны — опаснее, чем она думала. Побег из Утопии — только начало. Потому что настоящий кошмар ждёт не в городе идеальных граждан, а там, куда их отправляют на "перезагрузку". Остров, которого нет на картах... Обложка создана автором с помощью нейросети Art of Magic AI.

© Инсекта Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: ПРОТОКОЛ «ИСКРЕННОСТЬ»	5
Алекс толкнул Марию. За ней, не глядя, шагнула София — всхлипнула и пропала в темноте.	6
— Для тебя — что угодно, — он улыбнулся, и в его карих глазах блеснула нежность. — Кстати, Алекс просил передать, что ждет нас всех завтра вечером. Говорит, нашел что-то «невероятное» в старом секторе. Ты ведь придешь?	10
В дверь настойчиво постучали. София не повернула головы. На экране люди из прошлого ссорились в настоящем, диком лесу — там, где эмоции ещё не стали товаром.	13
ГЛАВА 5. ТОНКАЯ НИТЬ	18
ГЛАВА 6. ЖЕЛЕЗО И БАРХАТ	22
ГЛАВА 7. АРХИТЕКТОР ИСКАЖЕНИЙ	26
ГЛАВА 8. ОСТРОВ ЗАБЫТЫХ ТЕНЕЙ	29
ГЛАВА 9. КОД МОЛЧАНИЯ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Нэт Инсекта

Утопия: код пробуждения

ГЛАВА 1: ПРОТОКОЛ «ИСКРЕННОСТЬ»

Коридор давил на глаза серым, сочащимся влагой бетоном. Вдоль стен тянулись тяжелые гофрированные трубы, по которым со стоном бежал хладагент — эту вибрацию Мария чувствовала подошвами ботинок.

Лишь в зоне контроля, за титановыми панелями, царила стерильность — но этот остров казался здесь чужеродным, издевательским.

Коридор освещался красным. Этот оттенок не входил в привычную гамму местных систем, предназначенных для штатного режима. В их мире этот цвет означал одно: ИИ обнаружил вирус. И этим вирусом были они.

— Шевелись, Софи! Это не подиум! — Алекс почти волок девушку за собой.

Роба Алекса была разорвана на плече, обнажая рваную рану — кожа содрана до мяса, из прорехи сочилась кровь. Но он не останавливался.

София всхлипывала, её лицо искажала гримаса ужаса.

— Это ошибка, — она спотыкалась, хватая воздух ртом. — ИИ... калибровка. Михаил, скажи им... мы заблудились... вернёмся...

Михаил не оборачивался. Он стоял в десяти метрах позади, широко расставив ноги и заполнив собой всё пространство узкого перехода. Перед ним замерли три фигуры в матовых шлемах и бронепластинах — «золотой выпуск», лучшие курсанты академии. С этими парнями командир еще недавно отработывал тактику захвата. Теперь «целью» был их учитель. Ткань робы натягивалась на мощных мышцах; рукава он оторвал, чтобы не мешали драться. Иссиня-черные татуировки на смуглых руках казались змеями, замершими перед броском.

— В колодец! Живо! — голос Михаила сел до хрипа. — Я их держу. Марка заберите. И не оглядывайтесь!

В висках Марии бился тяжелый, болезненный пульс. Правой ладонью она до боли сжимала черный брусок накопителя. Она вырвала его из гнезда Главного Архива всего несколько минут назад. В нём было то, чего система не прощала. Она не кричала. Только сжимала брусок и считала шаги.

Динамики под потолком ожили:

— Теперь бегите! — резкий крик Марка в рации ударил по барабанным перепонкам, заставив вздрогнуть.

Мария замерла, глядя прямо в объектив камеры, которая беззвучно повернулась вслед за ней. В этом аду его голос звучал как надежда.

— Марк, открой шлюз «С-14», — выдохнула она, чувствуя, как горло сдавливает спазм.

Бойцы взвели затворы старых механических винтовок — системе не доверяли спуск. В этот момент тяжелая плита шлюза справа вздрогнула. С шипением вырвались струи азота, и многотонная дверь со скрежетом поползла вверх. Из расширяющейся щели потянуло запахом разогретой смазки и горелой проводки. Курсанты инстинктивно отступили на шаг от открывшегося проема.

Никаких подтверждающих сигналов, никакого голоса в рации —открывающийся путь в неизвестность технического колодца.

— Миша! — отчаянно крикнула Мария.

Но Михаил только коротко кивнул, не оборачиваясь. Первый разряд тока с треском ударил в стену рядом с ним, рассыпавшись веером искр.

Алекс толкнул Марию. За ней, не глядя, шагнула София — всхлипнула и пропала в темноте. ГЛАВА 2. СТАТИСТИЧЕСКАЯ НОРМА

Несколько недель назад...

Мария открыла глаза. За окном сиял «Лазурный берег» — белоснежные виллы, изумрудная зелень, ровные газоны. Правильно. Таким и должен быть рай.

И всё же где-то в груди ныло. Без причины.

Глупости, — подумала она. — У меня всё есть. Чего мне не хватает?

Ответа не было. Только это неприятное ощущение.

Она щелкнула пальцами, и матовые стены спальни отозвались приятным свечением, имитируя рассвет в сосновом лесу. Её тело, отдохнувшее на матрасе с идеальной гравитационной поддержкой, плавно возвращалось в упорядоченный мир.

— Доброе утро, Мария. Индекс счастья — 8.4. Рекомендую завтрак номер три: овсянку с черникой.

— Подтверждаю.

— Добавить порцию синтезированного эндорфина?

Мария замерла. Эндорфин — это легко. Нажал кнопку — и счастлив. Но счастье по рецепту... оно было не тем. Не её.

— Не надо. Форму «серый графит». Я обойдусь, — сказала она.

Пока она говорила, в кухонной нише уже бесшумно работал синтезатор. Аромат свежей черники и теплого молока поплыл по комнате — система опережала её желания на несколько минут.

Мария шагнула в душевую нишу. Ультразвуковой туман с ароматом сандала за секунды смыл остатки сна — но не смыл ощущение, что она снова видела тот же сон. Те же дети на берегу. Она замерла под потоком сухого воздуха, давая себе пять лишних секунд там, где система ожидала автоматизма.

— Отклонение от графика, — шепнул помощник.

— Знаю, — ответила она стене.

Перед тем как выйти, Мария замерла перед зеркальной панелью. Она тут же ожила, зажегши мягкий контурный свет. Из глубины отражения смотрела молодая женщина — бледная, с серыми глазами, в которых иногда проскальзывало нечто неуловимое. Та самая «статистическая норма», позволяющая затеряться в толпе. Стройная, хрупкая, словно статуэтка.

Она коснулась зеркала кончиками пальцев. Стекло идеально гладкое, чуть тёплое от встроенного обогрева. Ни пылинки. Ни трещинки. И ей захотелось — остро, нелепо — услышать скрип. Как в старых домах из её снов. Где половицы поют под ногами, а окна дребезжат от ветра. Она стояла так минуту. Потом одёрнула руку.

Глупость. Зачем ей скрип?

Ответа не было. Только это странное, нелепое желание — услышать, как что-то скрипит, дребезжит, живёт.

На кухонной панели уже ждала матовая чаша с овсяными хлопьями. Ягоды черники выглядели слишком безупречно, словно сошли с рекламного рендера. Крупные, покрытые сизым налетом, они взрывались на языке кисло-сладким соком. Мария ела медленно, глядя, как на вешалке-манипуляторе материализуется одежда. Ткань цвета серого графита не мялась и отталкивала грязь. Когда Мария облачилась в костюм, он мягко обхватил фигуру, становясь второй кожей.

— Эхо, сводку новостей, — произнесла она, застегивая магнитные манжеты.

В воздухе развернулась полупрозрачная лента событий. Голос помощника стал официальным:

— В Секторе «Лазурный берег» уровень гармонии стабилен. Индекс преступности — ноль. Температура воздуха — идеальные двадцать два градуса.

Мария слушала эти сводки как фоновый шум. В мире, где ничего не случилось, новости лишь подтверждали: завтра будет как сегодня.

Она обулась в легкие ботинки на амортизирующей подошве и коснулась сенсора двери. Та бесшумно скользнула в сторону, выпуская её из уютного кокона квартиры в мир «Лазурного берега».

Снаружи её встретил хор генетически модифицированных птиц, чьи трели были выстроены в гармоничные мелодии. Дорожка к станции «Аэро-Линка» вилась между изумрудными холмами, покрытыми травой, которая всегда была одной длины.

Через полчаса Мария уже стояла на платформе «Аэро-Линка». Из титанового туннеля бесшумно выплыл поезд, похожий на вытянутую каплю ртути. Капсула парила в десяти сантиметрах над рельсом, удерживаемая полем магнитной подушки. Когда капсула замерла, часть её прозрачного борта растворилась, превратившись в широкий проем. Внутри пахло мятой и эвкалиптом — система старалась снизить её кортизол. Кресло само подстроилось под спину, обняло, убаюкало. Мария позволила себе расслабиться — и тут же почувствовала, как сжимается что-то внутри. Слишком хорошо. Слишком правильно. Как будто её укладывали спать, хотя она не хотела спать.

Капсула рванула с места. За окном поплыли пейзажи — идеальные, безупречные, мёртвые.

«Как же нам повезло», — подумала Мария. Это была правда. Она действительно так считала. Где ещё люди живут по 150 лет? Где ещё нет войн, болезней, голода?

И всё же слова звучали... чужими. Будто их говорил кто-то другой, а Мария повторяла.

Может, я устала? — спросила она себя. — Может, мне нужно отдохнуть?

Но она знала: дело не в усталости. Дело в том, что где-то глубоко, в самом тёмном углу души, она не была уверена, что это «золотое время» — действительно золотое.

За окном проплывал молочно-белый Центр Регенерации. Мария смотрела на него и чувствовала благодарность. Честную, искреннюю благодарность. Здесь лечили безнадежных. Здесь давали вторую жизнь. Как хорошо, что это есть, — подумала она.

И тут же, откуда-то из глубины, пришла другая мысль: а что, если умереть по-настоящему? Если никто не придет и не включит регенерацию? Если просто... исчезнуть?

Мария испугалась. Она не знала, откуда взялись эти слова. Со мной что-то не так, — подумала она. — Почему я думаю о смерти, когда вокруг столько жизни?

Она заставила себя улыбнуться Центру. И отвернулась к окну.

Следом за медицинскими кварталами показался Единый Центр Обучения — лабиринт стеклянных переходов и террас, где свет преломлялся в тысячах панелей, создавая иллюзию вечного движения.

Поезд мчался мимо куполов «Яслей». Там малыши до четырех лет росли под присмотром роботов-нянь: Система провозгласила, что алгоритмическое воспитание эффективнее родительского хаоса. В корпусах старших ступеней дети с пяти до тринадцати лет проходили ментальную огранку через нейроинтерфейсы. Их учили прикладным наукам и бесконфликтности. Мария вспомнила свои школьные годы с легкой ностальгией — там её научили быть отлаженным винтиком в механизме человечества.

Мария вспомнила свой День Определения — менеджер высшего звена, без права обжалования. С того мгновения её жизнь превратилась в прямую, идеально вымощенную дорогу. Она училась только своей специальности, поглощая массивы данных. Никаких мук выбора.

Никаких сомнений. Каждый гражданин с юности знал свою роль, занимая строго отведенную нишу — словно уникальная, выточенная лазером деталь в механизме безупречных часов.

Но почему тогда именно сейчас, при взгляде на ровные ряды этих одинаковых, стриженных под одну гребенку детей, сердце Марии сжалось в странном, болезненном спазме?

Это было иррациональное, физическое ощущение холода. Она видела внизу не просто воспитанников Системы, а бесконечное отражение самой себя — тысячи маленьких судеб, уже упакованных в прозрачные контейнеры предназначения. В их играх не было стихийного шума, в их движениях не проглядывало той хаотичной искры, которую она иногда видела на страницах своих старых, запретно-настоящих книг. Это чувство — липкое, необъяснимое, похожее на предчувствие катастрофы — никак не вписывалось в её идеальный индекс счастья. Оно было как системная ошибка, как битый пиксель на кристальном мониторе её жизни, который невозможно было стереть или проигнорировать. Мария резко выдохнула, словно выталкивая эту мысль из себя. Капсула затормозила у главного терминала Центрального Офиса.

Перед Марией предстало сердце Утопии — исполинский монолит из зеркального титана, уходящий в облака. Фасад без окон — только золотистые потоки данных. Внутри, под стеклянным куполом, сотни людей в серых костюмах двигались бесшумно, как тени. Сканеры на входе считали её пульс, температуру, эмоциональный фон. Всё в порядке. Всё под контролем.

Мария ступила на движущуюся дорожку, чувствуя, как её личность растворяется в этом стеклянном лабиринте порядка.

У подножия гигантской голографической колонны её уже поджидал Марк. Стоило Марии ступить на зеркальную поверхность пола, как он обернулся и тепло, по-домашнему, улыбнулся. Марк обладал спокойной, интеллигентной красотой — эталонной для этого мира. В его чертах не было ни капли агрессии, а взгляд внушал абсолютное, детское доверие.

— Опять любовалась красотой города из окна капсулы? — он плавно подошел и по-дружески, едва ощутимо коснулся её плеча. В его мягком баритоне звучало то искреннее участие, которое в Утопии ценилось дороже любых материальных благ.

— Задумалась. Ты же знаешь.

Она попыталась улыбнуться. Получилось не очень. Она прошла к своему рабочему терминалу, который узнал её приближение и мгновенно развернул рабочие интерфейсы.

Марк осторожно огляделся. Коллеги-аналитики были поглощены своими голограммами, а автоматические дроны-уборщики находились в другом конце сектора. Он шагнул ближе. Его голос упал до едва различимого, доверительного шепота:

— Маша, я смотрел твои ночные логи. — Марк оглянулся. — Опять эти сны?

Мария замерла, её пальцы на мгновение зависли над мерцающей панелью управления. Марк был единственным человеком в этом многомиллионном мегаполисе, кто знал её опасную тайну. Занимая пост ведущего аналитика в ИИ-совете, он обладал уникальными привилегиями: доступом к сырым биометрическим данным граждан. Последние полгода он вел опасную игру — вычищал её личные логи, заменяя аномальные всплески пульса и быстрые движения глаз во время её снов на стандартные, безликие показатели глубокого покоя. Без этого невидимого щита её бы уже давно пригласили в Центр Регенерации на принудительную нейронную коррекцию памяти для удаления «деструктивных паттернов».

— Да, — выдохнула она. — Всё те же двое детей. Мальчик и девочка, Марк. Я вижу их так ясно, будто они стоят за моей спиной. Я чувствую запах их волос — смесь пыли и летнего солнца. Это кажется мне более реальным, чем весь этот высокотехнологичный офис и наш правильный мир.

Марк сочувственно, с какой-то особенной нежностью накрыл её дрожащую ладонь своей. Его кожа была теплой, и это прикосновение на мгновение выдернуло Марию из ледяного оцепенения.

— Тише, Маша. Успокой дыхание, датчики в потолке фиксируют твой гормональный фон, — предостерег он, не убирая руки. — Я уже всё исправил в логах. Система видит только то, что должна видеть: ты спала как младенец, твоя ментальная стабильность в норме. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы защитить тебя, ты же знаешь... ты мне очень дорога. Но умоляю, будь осторожна. Носи свою маску счастья безупречно. Не давай им ни единого повода усомниться в твоей лояльности системе. Один неверный взгляд, один сбой пульса в присутствии кураторов — и я не смогу тебя вытащить.

— Спасибо, — она выдохнула. — Правда. Без тебя — не знаю... — искренне прошептала она, глядя в его добрые глаза. В ту секунду ей казалось, что в этом огромном, стерильном и абсолютно равнодушном мире Марк — её единственная надежная опора, последняя нить, связывающая её с реальностью.

**— Для тебя — что угодно, — он улыбнулся,
и в его карих глазах блеснула нежность. —
Кстати, Алекс просил передать, что ждет нас
всех завтра вечером. Говорит, нашел что-то
«невероятное» в старом секторе. Ты ведь придешь?
Мария кивнула.**

ГЛАВА 3: ТЕКСТУРА ПРЕВОСХОДСТВА

Если Мария была «статистической нормалью», то София была статистическим взрывом, яркой аномалией, которую алгоритмы города почему-то решили не сглаживать, а превратить в эталон.

Бекстейдж «Аметист» гудел. Дроны-портные, как осы, метались вокруг моделей, но София не обращала на них внимания. Маленькая, с иссиня-черными волосами, в рабочем комбинезоне, она казалась хрупкой — ровно до того момента, пока не открывала рот.

— Нет, нет и еще раз нет! — Её властный, вибрирующий от нетерпения голос мгновенно разбивал иллюзию. В этом взгляде не было кукольной пустоты — только точный расчет и стальная воля.

Её лазурные глаза сейчас сверкали холодным электрическим светом. Идеально гладкий хвост, затянутый на макушке серебристым зажимом, при каждом резком движении хлестал словно хлыст.

— Но, госпожа София, ИИ утверждает...

— Плевать. — Она даже не взглянула. — Чтобы шелк был к вечеру. Обмани, соври, укради. Но сделай.

Помощник испарился. София знала: он сделает. Люди всегда делали то, что ей нужно. Она владела этим искусством в совершенстве — улыбнуться, пообещать, заставить почувствовать себя избранным. Но за улыбкой была лишь пустота, и иногда это пугало её саму.

Вечерняя презентация «Сезонного Гардероба Гармонии» стала апофеозом тотального комфорта.

Гранд-холл «Аметиста» заливало пурпурное сияние. Гости располагались в индивидуальных парящих коконах — из подлокотников выдвигались манипуляторы с коктейлями, синтезированными под уровень дофамина каждого. Высшая форма потребления: быть окружённым тысячей людей, но не чувствовать ни их дыхания, ни случайных прикосновений.

София наблюдала за мерцающим залом из-за кулис, скрытая от зрителей тенью тяжелой антистатической портьеры. Её пальцы, тонкие и сильные, с хирургической точностью поправляли воротник на одной из моделей — высокой андрогинной фигуре, облаченной в «живое» серебро.

Она посмотрела на женщину в ближайшем коконе. Та улыбалась идеальной, отретипированной улыбкой. София знала эту улыбку — сама повторяла её тысячу раз. И на секунду ей показалось, что вокруг не люди, что это манекены. Красивые, дорогие, но пустые. Она моргнула и видение исчезло. Но осадок остался.

София обожала красивые вещи физически. Для неё одежда была не прикрытием, а высокотехнологичной бронёй, защищавшей внутренний хаос от слишком правильного внешнего мира.

— Посмотри на них, — шепнула она подошедшему коллеге, высокому аналитику из отдела текстильных инноваций. София часто проводила с ним время, хотя втайне считала его

скучным и предсказуемым, как алгоритм очистки воды. — Сидят в своих драгоценных левитирующих пузырях, боятся даже случайно коснуться соседа локтем или, упаси ИИ, почувствовать чужое тепло. Идеальный мир идеальных одиночек, запечатанных в вакуум собственного эго.

Она сделала шаг назад, критически оглядывая модель. По её знаку дрон-осветитель направил узкий луч на плечо манекенщика, заставляя ткань вспыхнуть мириадами микроскопических искр.

— Но это высший комфорт, София. Полная безопасность...

— Ску-у-учно, — протянула она. — Мне надоело.

Она резко развернулась, едва не задев коллегу плечом, и тот инстинктивно отпрянул. София иронично вскинула бровь. Она была воплощением противоречия: презирала эту стерильную изоляцию, считая её трусостью, но сама первой бы устроила скандал, если бы кто-то нарушил границы её личного пространства. Она любила свободу, но только свою; она жаждала жизни, но только на своих условиях.

— Жизнь без риска случайного столкновения — это не жизнь, а симуляция в чашке Петри, — тихо добавила она, проверяя, как застежки на костюме модели реагируют на жест. — Но раз уж они платят за этот цирк своими баллами лояльности, я сделаю так, чтобы их «персональный рай» сегодня выглядел чертовски стильно.

София была скептиком до мозга костей — редкое и опасное качество в мире, где сомнение считалось признаком ментального нездоровья. Система дала ей всё, о чем мог мечтать гражданин Утопии: работу, ставшую её главной страстью, высокий статус и доступ к лучшим технологиям Сектора «Аметист».

В подземном боксе её ждал «Эфир-7» — обтекаемый грави-кар, покрытый тем самым адаптивным шелком. Она водила его с пугающим, граничащим с безрассудством мастерством. На пустых магистралях между секторами София выжимала абсолютный максимум из гравитационных двигателей, заставляя машину парить на грани потери стабилизации. В эти моменты, когда в салоне на предельной громкости играла танцевальная музыка, заглушая даже гул ионизаторов, она чувствовала себя по-настоящему живой. Только в этой скорости и в этом оглушительном ритме она находила убежище от навязчивого шепота Системы.

Но глубоко внутри, под слоями дорогой одежды и броней из самоуверенности, София всегда ждала подвоха. Она не верила в бесплатное счастье. Каждый раз, когда ИИ желал ей доброго утра, она невольно искала скрытый смысл в его интонациях. Весь этот сияющий мир казался хрупкой декорацией, за которой скрывались ржавые рычаги контроля.

Единственное, что имело для неё истинную, не поддающуюся логике ценность — это её крошечный, герметичный круг «своих». Если бы сейчас, посреди этого триумфального показа, в залитый неонем бекстейдж вошел Алекс со своей вечной ухмылкой, суровый Михаил или вечно задумчивая Мария, София бросила бы всё. Она бы оставила моделей, дронов, коллекции и все свои накопленные баллы лояльности, не оборачиваясь. Для них она была готова на всё: выслушать, дать совет, сохранить секрет, стать щитом или даже солгать Системе.

Остальные — кураторы, зрители в коконах и помощники — были для неё лишь фоном, безликим набором инструментов. Она пользовалась ими с холодным изяществом хирурга, забывая об их существовании сразу после того, как задача была решена. В мире, где всех учили сопереживать абстрактному «обществу», София умела любить только конкретных людей. И эта избирательность была её самой большой тайной.

Когда последние такты симфонии затихли, а парящие коконы зрителей начали плавно дрейфовать к выходам, на центральной голограмме вспыхнул вердикт. ИИ-совет, проанализировав зрочки зрителей, их пульс и общий гормональный фон зала, выставил коллекции высший балл за «эстетическое соответствие нормам радости». Для любого другого дизайнера это означало бы слезы счастья и неделю оплачиваемого отпуска в «Садах Эдема», но София лишь

криво усмехнулась. Она знала, что её работа безупречна, еще до того, как алгоритмы соизволили это подтвердить.

Только добравшись до квартиры в верхнем ярусе Сектора «Аметист», она позволила себе сбросить маску. София заперла дверь, и по её жесту прозрачные стены мгновенно превратились в глухую зеркальную броню. Она активировала подавление шума, и гул мегаполиса сменился абсолютной тишиной.

— Эхо, уровень приватности — «Омега». Отключи логи посещений на два часа, — бросила она, скидывая туфли на ворсистый пол. Он тут же начал мягко вибрировать, массируя уставшие ступни.

София забралась с ногами в глубокое кресло-мешок. В воздухе развернулся огромный панорамный интерфейс. Но вместо графиков поставок или эскизов новой коллекции, она запустила архивный файл — новую серию исторического сериала о «Грязных веках». София была одержима этой эпохой. Её завораживали кадры с настоящим дождем, очередями в магазинах, хаосом на дорогах и искренними, не отфильтрованными алгоритмами эмоциями на лицах людей. В этом «грязном» мире было то, чего ей так не хватало здесь — непредсказуемость.

В дверь настойчиво постучали. София не повернула головы. На экране люди из прошлого ссорились в настоящем, диком лесу — там, где эмоции ещё не стали товаром. Гость за дверью перестал существовать для неё в ту секунду, когда погасли огни подиума. Он был лишь неисправным компонентом в системе. София пригубила коктейль и подумала: «Завтра я снова надену маску. Но сейчас — хотя бы сейчас — я могу быть никем». Она включила громче. Мир за дверью исчез.

ГЛАВА 4. ОБМЕН ПО КУРСУ «РИСК»

В лофте Алекса в секторе «Индустрия-7» стоял запах раскалённого металла и смазки. Высокие потолки не были прикрыты панелями — по ним тянулись связки кабелей и трубы хладагента. Стены из бетона хранили маркировку секторов. София называла это место «диким техно» и морщилась. Алекс называл его безопасным.

Здесь он установил «мёртвую зону» — самодельные глушилки, сквозь которые не пробивался ни один сигнал ИИ. Датчики «Эхо» висели мёртвым пластиком: Алекс перерезал их оптоволоконные нервы. Под кроватью, в герметичном ящике, лежал старый ноутбук с клавишами, стёртыми до блеска, — а рядом аптечка со старыми препаратами, коробок спичек и несколько батончиков горького настоящего шоколада. Вещи из мира, где люди были живыми.

Алекс долгими бессонными ночами, когда город погружался в фазу глубокого сна, кропотливо изучал запретные коды — древние языки программирования, на которых писались первые протоколы свободы еще до прихода Великого Алгоритма.

Понятие денег в Утопии заменили Личным Социальным Коэффициентом (ЛСК). Всевидящее око ИИ оценивало жизнь с микроскопической точностью: камеры анализировали мимику, частоту улыбок и искренность блеска в глазах. Высокий рейтинг давал материальные привилегии, а падение коэффициента означало социальную смерть.

У Марии, Михаила и Софии статус «Золотого» уровня сиял, словно нимб: это была элита, плоть от плоти системы, чьи запросы исполнялись еще до того, как они успевали их осознать. Марк и вовсе парил в разреженных высотах «Платинового» списка — этот статус давал ему божественный, безграничный кредит доверия, позволяя заходить в цифровые чертоги, закрытые для простых смертных. Но Алекс был другим. Его ЛСК постоянно лихорадило, заставляя балансировать на опасной, скользкой грани «Серебра». Его привычка к одиночным прогулкам в пыльных, забытых заброшенных секторах делала статус «стабильно средним» — он стал подозрительным элементом. Алекс еще не совершил преступления, но уже перестал быть понятным для алгоритмов.

Алекс был диссонансом в симфонии всеобщей безупречности. В мире, где каждый второй пользовался услугами Центров Регенерации для коррекции черт лица, он выглядел пугающе настоящим. Лицо из резких, неправильных линий: тяжёлая челюсть, крупный нос, глубокая складка между бровей — печать раздумья, которую система стирала ещё в «Яслях». Его

глаза смотрели на мир без фильтров дополненной реальности, вглядываясь в самую суть. Он двигался резко, экономно, с звериной осторожностью человека, который всегда ждёт удара из темноты. Его одиночество было манифестом, а скептицизм — редкой и опасной болезнью в мире, где сомнение считалось ментальным сбоем.

Система позволяла Алексу существовать в этом странном, маргинальном статусе лишь потому, что его мозг был аномально эффективен в работе с «грязным» кодом старых систем, на которых до сих пор держались нижние ярусы города. ИИ-совет считал его полезным девиантом — необходимым инструментом для обслуживания тех частей механизма Утопии, куда стерильные алгоритмы не могли дотянуться. Его средний ЛСК был своего рода договором: Алекс получал право на свои «странности» и этот бетонный склеп в обмен на то, что он поддерживал жизнь в умирающих недрах «Индустрии-7».

Все собрались в лофте Алекса. София вошла последней. Оглядела бетонные стены и поморщилась:

— У тебя тут как в склепе, Алекс.

— Зато камеры не слышат.

— А люди? Люди тут выживают?

Михаил протянул ей кружку. Ни слова. Она взяла — их пальцы на секунду соприкоснулись. София чуть улыбнулась:

— Ты меня балуешь, Миша.

— Это просто чай.

Но она знала: он помнил, какой она любит. С имбирём. Запомнил с прошлого раза, полгода назад.

— Сегодня мы сыграем в «Откровение», — произнес Алекс, и его голос в гулкой тишине бетонных стен прозвучал как вызов самой системе.

Он выложил на стол колоду пожелтевших карт, пахнущих табаком и сыростью. В Утопии такие вещи были опасным атавизмом. Алекс выменял их у механика в портовых трущобах, отдав новый рюкзак из самовосстанавливающейся ткани.

— Правила предельно просты, ты тянешь карту и отвечаешь на написанный на ней вопрос. Честно. Без оглядки на ЛСК. Если не хочешь отвечать — выполняешь задание. Спеть песню, которую слышал во сне. Станцевать без ритма нейронной музыки. Сделать что-то по-настоящему человеческое.

Алекс начал тасовать. Сухой шуршащий звук картона заполнил пространство, перекрывая гул вентиляции. Друзья подались вперёд, заворожённые ритмом. Внутри пробуждалось нечто, что ИИ-совет старательно засыпал розовым песком идеальных будней.

Первые раунды игры проходили легко, служа своего рода разминкой для застоявшихся эмоций. Алекс, хитро прищурившись, зачитывал вопросы, которые система посчитала бы «философским шумом»: «Какой цвет у тебя ассоциируется со вкусом утреннего кофе?» или «Если бы ты мог на один день изменить запах вентиляции в своем секторе, что бы ты выбрал?». София со смехом предлагала запах свежее выпеченного хлеба, а Михаил серьёзно рассуждал о цвете «вороненой стали». Но с каждой новой картой напряжение в комнате росло.

И вот, карту из колоды вытянул Михаил. Его тяжелая, мозолистая ладонь, привыкшая к рукояти импульсного разрядника, казалась неестественно огромной на фоне хрупкого картона. Темные карие глаза, обычно холодные и сосредоточенные, быстро пробежали по каллиграфическим строчкам вопроса, который в этом подвале прозвучал как приговор: «Какое правило ИИ-совета ты считаешь самым скучным и лишённым смысла?»

Михаил на несколько секунд погрузился в молчание. В тишине было слышно, как перекачиваются жгуты мышц под смуглой кожей предплечий. Михаил взвешивал каждое слово на невидимых весах. Он понимал, что предает не устав, а основу своей личности.

— Спарринги, — Михаил нахмурился. — Броня гасит удар. Компьютер знает твой кулак раньше тебя. — Пауза. — Это не бой. Это куклы.

Он поднял взгляд.

— Иногда мне хочется почувствовать настоящий удар. Свой — когда костяшки встречаются с чужой плотью. И чужой — когда боль прошивает тебя насквозь, напоминая, что ты ещё жив. Я хочу иметь право на ошибку. На честное поражение. На кровь, которую не смоет автоматический душ.

Марк, чье «латиновое» спокойствие было трудно поколебать, лишь слегка приподнял бровь, но в глубине его глаз мелькнула тень расчетливого интереса.

Мария посмотрела на его руки — огромные, с выпирающими костяшками. Пальцы мелко дрожали. Она поняла: это не просто слова, это признание. В чём-то, за что в их мире могут стереть. И в этот момент она почувствовала всем сердцем, что Михаил ей дорог. Не как друг. Как... она не может подобрать слово. В их языке такого слова нет.

Очередь дошла до Софии. Она потянулась к колоде с изяществом хищной птицы, вытянув карту двумя пальчиками с безупречным, жемчужным маникюром, который отражал тусклый свет бетонного лофта. Её глаза — пронзительно-голубые, цвета арктического льда — быстро скользили по строчкам, и на мгновение маска идеальной беззаботности дрогнула.

«Считаешь ли ты кого-то из присутствующих в этой комнате менее талантливым или менее совершенным, чем ты сама?»

София вызывающе рассмеялась. В этом смехе слышался очаровательный эгоизм — её главная броня, за которую друзья прощали ей всё. Она медленно обвела взглядом присутствующих, на секунду задержавшись на Марии. В её голове пронеслись сотни аналитических выкладок: она знала слабые места каждого, видела их неуверенность и мелкие системные сбои. Но, встретившись взглядом с подругой, София закусил губу, и этот жест был по-настоящему человеческим. Она слишком глубоко дорожила этой странной, «незаконной» связью, чтобы разрушить её ледяным острием правды.

— О, нет, я не планирую отвечать на этот коварный вопрос! — она резко вскочила, и её шелковое платье, созданное из светочувствительного волокна, качнулось, меняя оттенок с нежно-розового на тревожный пурпурный. — Какое у меня задание? Я готова к любому штрафу.

— Станцуй, — Алекс хитро прищурился и, не дожидаясь возражений, нажал сенсорную кнопку на самодельной панели управления.

Из динамиков потек ломаный ритм древнего трип-хопа — грязный, тяжелый бит из прошлого. София замерла на секунду, а потом её тело поймало волну. Она начала двигаться резко, агрессивно, откидывая назад темные волосы. Это был танец-протест, чувственный, дикий и абсолютно неуместный в мире идеальных движений. В каждом взмахе её рук, в каждом изгибе спины читалось отрицание всех протоколов приличия.

Михаил, чье дыхание стало тяжелым и прерывистым, не сводил с неё восхищенного, голодного взгляда. Он поднялся, заполняя собой пространство между столом и танцующей Софией. Он подошел вплотную и, поймав такт своими тяжелыми шагами, начал двигаться рядом. Это был невероятный контраст: мощная, гранитная сила офицера безопасности перекрывала хрупкую, ломкую грацию девушки. Михаил двигался уверенно, транслируя дикую энергию. Этот танец бросал вызов системе, где даже случайное прикосновение считалось преступлением против порядка.

София, которая привыкла виртуозно манипулировать толпами поклонников и просчитывать каждый свой жест, потеряла самообладание. На её бледных щеках, вопреки всем косметическим фильтрам, проступил густой, настоящий румянец. Она сбилась с ритма, почувствовав, как её личное пространство бесцеремонно взломано этой грубой мужской силой. Поспешно,

испуганно сев на место, она уткнулась в стакан с коктейлем, пряча лицо и избегая обжигающего взгляда Михаила.

Мария и Алекс обменялись короткими, понимающими полуулыбками. В этом подвале, среди голого бетона и запретной музыки, только что произошло нечто, чего ИИ-совет никогда не смог бы предсказать: между двумя деталями идеального механизма проскочила искра самого настоящего, несанкционированного хаоса.

Марк вытянул следующую карту из колоды Алекса медленным, выверенным движением. Его лицо, привыкшее к безупречному самоконтролю в залах аналитики, оставалось непроницаемой маской абсолютного спокойствия, пока его глаза сканировали короткую строчку вопроса. На мгновение показалось, что в комнате выключили звук — даже гул вентиляции в бетонных стенах «Индустрии-7» стал тише.

«Приходилось ли тебе тайно, в обход официальных протоколов, нарушать фундаментальные правила Системы ради достижения высшей цели?»

Все взгляды скрестились на Марке, чье «платиновое» положение делало саму мысль о нарушении кошунственной.

— Смотря что именно считать нарушением в нашей сложной архитектуре смыслов, — заговорил Марк, и его голос лился ровно, без единой запинки, как идеально написанный код. — Пару лет назад, занимаясь глобальной оптимизацией трудовых ресурсов в Южном секторе, я столкнулся с досадным статистическим казусом при первичном распределении кадров. Тест одного четырнадцатилетнего подростка в День Определения выдал предательски пограничный результат: алгоритм насчитал пятьдесят один процент предрасположенности к высшей музыке и сорок девять — к сложной механике. В своей личной анкете, скрытой от общих глаз, этот парень буквально умолял о зачислении в консерваторию. Он писал о мелодиях, которые слышит в шуме ветра...

— И ты... ты помог ему исполнить мечту? — София подалась вперед, её шелковое платье тихо зашуршало, а в глазах вспыхнула надежда на красивую, человеческую историю.

— Я помог системе, — Марк усмехнулся. — Там горела нехватка техников. А он хотел в музыку. — пауза. — Я просто двинул проценты. Теперь он при деле. И счастлив. Статистика не врёт.

— Но он никогда... он никогда больше не напишет ни одной ноты, ни одной живой мелодии, — прошептала Мария. — Ты не просто изменил цифру в базе данных, Марк. Ты собственноручно стер его талант. Ты убил в нем творца, чтобы получить исправный винтик.

— Я обеспечил гармонию, — мягко, ласково возразил Марк, глядя на неё своей самой обезоруживающей, доброй улыбкой, от которой Марии стало не по себе. — ИИ-совет неустанно учит нас: личные желания и хаотичные амбиции — это энтропия, ведущая к краху цивилизации. Главное — это баланс целого, незыблемый порядок общей системы. Он думал, что будет музыкантом. А стал механиком. И счастлив. Я проверил. Это работает.

За всю игру Алекс не ответил ни на один вопрос. Каждый раз он выбирал «задание» — с лёгкой усмешкой и непроницаемым лицом. Не трусость. Расчёт игрока, который не вскрывает козыри раньше времени.

Он отжимался на одной руке — спина прямая, мышцы перекачиваются под футболкой. Потом показывал фокусы: карты исчезали и появлялись в складках одежды Софии, за ухом Михаила, в ладони Марка. Между делом, не глядя, ковырялся во внутренностях сломанного дрона.

Алекс оставался в тени — наблюдатель, вскрывающий чужие души. Он фиксировал страх Марии, жажду Михаила, ледяную убеждённость Марка. Сам же не давал системе ни единой зацепки. Живой «черный ящик». И в этой тени зрело нечто такое, чего даже Марк не мог представить.

Наконец, когда тени в углах бетонного лофта стали казаться осязаемыми, Алекс медленным, тягучим жестом протянул колоду Марии.

Она обвела взглядом стол. Эти четверо — такие разные, из полярных миров Утопии. С Марком их связывала общая учёба в Академии. Михаила она вытащила из-под обломков пять лет назад. Алекс задержался в её кабинете на минуту дольше положенного — и остался. А София когда-то бесила её, пока они не разглядели друг в друге живое под слоем пластика. Они стали семьёй — аномалией, которую они берегли больше всего на свете.

Мария вернулась в реальность, затаила дыхание и медленно, словно вытягивая жребий собственной судьбы, вытянула карту. На пожелтевшем, пахнущем старой бумагой картоне, выведенный неровным почерком, горел вопрос:

«Расскажи свой последний сон. Только то, что осталось на сетчатке, когда ты открыла глаза».

Мария оцепенела. Она знала этот мир: правильный, безопасный, стерильный — где дети гуляют с родителями ровно два часа в неделю. Но в её голове было нечто иное — дикое и запретное.

— Мне снилось... — начала она. Её голос, поначалу хрупкий, налился силой. Мария не поднимала глаз, боясь разрушить видение. — Мне снился дом. Дети. Мои. Постоянно, не по графику... — она мнет край стола. — Старый дом. Пахнет деревом... Они в грязи. По колено. И я сама... сама отстирываю. Руками. Понимаете?

Она сделала короткий, судорожный вздох, и её пальцы непроизвольно сжали край стола так, что побелели костяшки.

— Между нами не было ни единого дрона. Никаких сканеров близости, никакой статистики счастья. Была только... любовь. Настоящая, тяжелая, невыносимая любовь, от которой физически болит где-то глубоко в груди. Это была боль обладания и страх потери — чувства, которые наша Система выжгла как вредоносный вирус. Но там, в моем сне, эта боль была самым живым, что я когда-либо чувствовала.

Мария медленно подняла глаза на друзей, и увиденное заставило её сердце пропустить удар. София выглядела по-настоящему испуганной: она инстинктивно отодвинулась, словно признание Марии было физическим ударом. В её расширенных зрачках читался не ужас перед Марией, а паника за их общее будущее — слова были сказаны. Михаил замер; его челюсть была сжата, а татуированные змеи застыли. Он смотрел на Марию с сочувствием, словно хотел закрыть её от невидимой угрозы. Против таких «сбоев» его сила была бессильна.

Реакция Марка была самой глубокой. Он не стал выпрямляться или обвинять. Его «платиновая» выдержка дала трещину: Марк порывисто накрыл ладонь Марии своей, и его пальцы заметно дрожали. В его взгляде не было холода аналитика — там была мольба. Он смотрел на неё как на тонущего человека, которого он отчаянно пытался удержать на поверхности все эти месяцы. Его глаза кричали о том, что теперь «вычищать» логи станет невозможно, но он всё равно будет пытаться, потому что она была единственной константой в его просчитанном мире.

Алекс же, оставаясь в своей тени, едва заметно кивнул. Его губ коснулась слабая, призрачная улыбка торжества, лишённая злорадства. Именно этого признания, этого окончательного разрыва с иллюзиями Утопии он ждал весь вечер. Он видел, как Марк в отчаянии сжимает руку Марии, и понимал: ловушка захлопнулась для всех. Теперь в этом бетонном подвале среди друзей больше не было места «протоколу искренности» — осталась только обнажённая, опасная правда.

ГЛАВА 5. ТОНКАЯ НИТЬ

Мария сидела неподвижно, её пальцы всё еще судорожно сжимали край стола, а взгляд был прикован к пожелтевшему квадратику карты, ставшему спусковым крючком для её откровения. Она чувствовала себя так, словно только что шагнула с края бездны, и теперь ждала, когда холодная пустота Утопии окончательно поглотит её за эти слова о «настоящей любви» и «грязных футболках».

Марк первым нарушил этот гнетущий вакуум. Он медленно, лениво откинулся на спинку глубокого кресла. Его лицо вновь преобразилось, вернув себе выражение мягкого, родительского участия — теплую ауру, которая годами служила ему камуфляжем.

— Маш, Маш... — он наклонился ближе, голос становится мягким, вкрадчивым. — Ты не понимаешь, насколько это опасно. То, что ты называешь любовью — это просто шум. Нейронный шум. Атавизм.

Он чуть склонил голову набок, и в его взгляде, обращенном на Марию, сейчас светилась такая искренняя, такая безграничная жалость, что София невольно вздрогнула. В этой доброте Марка было нечто механическое, выверенное до миллиметра — доброта хирурга, который ласково гладит пациента по руке, готовясь сделать первый надрез скальпелем.

— Мы ведь здесь именно для того, чтобы защитить тебя от этой боли, — продолжал он, и его слова падали в тишину лофта, словно тяжелые капли ртути. — Система — это твой иммунитет. А эти сны... это всего лишь вирус, пробравшийся сквозь фильтры. Тебе не нужно бояться. Мы... подкорректируем код.

Алекс в своей тени оставался неподвижен, но его пальцы на корпусе разобранного дрона на мгновение замерли. В этом «мы», произнесенном Марком, прозвучала не дружеская поддержка, а ледяная поступь всей мощи ИИ-совета, уже протянувшего свои цифровые щупальца к самому дорогому, что осталось у Марии — к её памяти.

— Да, ты прав, Марк, — её голос прозвучал ровно и бесцветно, лишенный тех вибрирующих ноток, что пугали окружающих мгновение назад.

Мария совершила над собой усилие: медленно подняла голову и заглянула в светлые глаза Марка. На лице, словно маска из биополимера, проступила мягкая, виноватая полуулыбка — именно та, которую алгоритмы классифицировали как «осознание ошибки».

— Наверное, это побочный эффект от переработок в Офисе и информационного шума, — продолжала она. Каждое слово давалось ей как шаг по битому стеклу. — Знаешь, я воспользуюсь твоим советом и в ближайший цикл запишусь к психологу. Ты прав, Марк, мне пора почистить «кэш» памяти и вернуть нейронным связям стройность. Хватит кормить эти бессмысленные фантомы.

Марк удовлетворенно, торжественно кивнул.

Друзья за столом, почувствовав, как ледяное напряжение в комнате сменяется привычным теплом предсказуемости, согласно зашумели. София облегченно выдохнула и пригубила свой коктейль, а Михаил, всё еще хмурый, одобрительно качнул головой. Они наперебой заговорили о преимуществах новых методов нейроочистки, поддерживая её «единственно верное» решение и возвращая вечер в русло безопасного, стерильного веселья.

Но внутри Марии в этот миг выросла непробиваемая стена, отгородившая её истинное «Я» от всего этого мира сияющего пластика. Внутри она решила: всё, ни слова, никогда. Она поняла это окончательно, глядя на триумф в глазах Марка. Она поняла: он не услышит. Он всё переведёт в данные, в строчку отчёта. В «рекомендовано к коррекции». От этого не было больно, только пусто.

Мария собирала карты. Молча. Алекс подошел и начинал ей помогать. Они не смотрели друг на друга. Их руки двигались в одном ритме — карта за картой, в стопку.

— Тяжело было? — спрашивает он тихо. Про её признание. Про сны.

— Да.

— Ты справилась.

И всё. Он не обнял. Не утешил. Сказал то, что ей нужно было услышать. Что она справилась. И от этого почему-то стало легче.

Игра была окончена не потому, что закончились вопросы, а потому, что ответов больше не требовалось. Михаил тяжело поднялся, его взгляд всё еще блуждал где-то между танцем и реальностью. Ритуал «Откровения» оставил после себя не очищение, а горький осадок осознания того, насколько глубоко ложь проросла в их жизни.

София сидела в углу дивана, бездумно вертя в пальцах пустой бокал. Внешне она оставалась безупречной, но внутри неё всё дрожало в мелкой лихорадке. Тот дикий танец сорвал с неё привычную маску светской эгоистки, обнажив нечто живое и испуганное.

Она чувствовала на себе взгляд Михаила — тяжелый, прямой и лишенный всякого притворства. Даже не поворачивая головы и не встречаясь с ним глазами, София каждой клеточкой своей кожи ощущала исходящее от него ровное, спокойное тепло и ту первобытную, пугающую силу, которую он проявил, встав рядом с ней в танце. В этом движении не было галантности из учебников по этикету — в нем была заявка на обладание и защиту.

Софии было двадцать шесть лет — самый расцвет продуктивности в Утопии. У неё было всё, о чем только мог мечтать гражданин: высокий статус, эксклюзивные наряды из «умных» тканей, меняющих цвет под настроение, и ленивое, привычное обожание коллег. Но сейчас, украдкой наблюдая за тем, как Михаил — человек, привыкший командовать легионами, — спокойно и уверенно убирает пустую посуду со стола, она осознала пугающую истину.

Ей больше не нужен был «партнер по досугу». Ей отчаянно нужен был именно он. Тот, кто сможет защитить её не только от системного сбоя, но и от внутренней пустоты, которую не мог заполнить уровень рейтинга.

«Мудрая не по годам» — так часто с восхищением говорили о ней кураторы в Центре Обучения, поощряя её за умение просчитывать социальные ходы. Но сейчас эта мудрость казалась ей бесполезным хламом. София чувствовала себя маленькой, беззащитной девочкой, которая безнадежно заблудилась в лабиринте собственного идеального гардероба. Она прекрасно знала, что Михаил — это кремень, монолитная скала, которую не купишь дорогим парфюмом, притворным смехом или тонкими манипуляциями, в которых она считалась непревзойденным мастером. С ним невозможно было играть по правилам Утопии. С ним нужно было быть настоящей — без фильтров, без ЛСК, без масок. И именно этого — своей собственной наготы перед другим человеком — София боялась больше всего на свете, потому что не знала, осталось ли под красивой оболочкой хоть что-то, что стоит любить.

— Ну, что ж, господа, мне определенно пора возвращаться в свою уютную капсулу, — София грациозно поднялась с дивана, совершая над собой невозможное усилие, чтобы вернуть голосу ту самую привычную, капризно-мелодичную интонацию, к которой все привыкли. Она поправила выбившуюся прядь темных волос, имитируя легкую досаду. — Косметолог придет в ужас от моих биоритмов. Она сделала паузу, чувствуя, как сердце колотится о ребра, и, стараясь не выдать дрожи в пальцах, посмотрела в сторону массивной фигуры офицера.

— Миша, проводишь меня до платформы? В «Индустрии-7» ночью так... индустриально.

Михаил молча кивнул — короткое, веское движение головы, не терпящее возражений. Он медленно поднялся, одним плавным движением набрасывая на широкие плечи свою куртку из грубого графитового волокна. София боковым зрением видела, как Марк, всё еще восседающий в своем кресле подобно беспристрастному судье, внимательно и цепко проследил за каждым их жестом. Его аналитический взгляд казалось, записывал эту сцену прямым в базу данных подозрительных взаимодействий.

Но Софии, к её собственному изумлению, в эту секунду было абсолютно всё равно. Впервые за долгие годы в Утопии её не интересовали баллы рейтинга, штрафы за нарушение графика или косые взгляды кураторов. Всё существование сузилось до одной точки ожидания. Стоя на пороге, она думала об одном: коснется ли её руки рука Михаила, когда они покинут этот душный бетонный кокон и выйдут в пронизывающую, пахнущую металлом прохладу промышленной ночи. Этот возможный тактильный контакт пугал и манил её сильнее, чем любая перспектива бессмертия, обещанная ИИ-советом.

Вдруг личный коммуникатор Марка, скрытый под кожей запястья, отозвался едва слышной, вибрирующей трелью. Он бросил быстрый взгляд на мерцающую проекцию. Его лицо на мгновение стало предельно деловым.

— Прощу прощения, друзья, но «Платиновый» статус имеет свою цену. Срочный вызов из Сектора Координации, внеплановое совещание по вопросам социальной стабильности, — он мягко улыбнулся Марии, но на этот раз в его глазах промелькнула тень настоящей, не алгоритмической тревоги. — Похоже, система никогда не спит, даже когда нам это жизненно необходимо. Маша, я свяжусь с тобой утром. Обещай мне, что ты... отдохнешь.

Когда тяжелая герметичная дверь лофта с глухим шипением захлопнулась и за ней окончательно смолкли удаляющиеся шаги друзей, в огромном, полумрачном пространстве квартиры Алекса остались только двое. Атмосфера мгновенно изменилась: исчезла необходимость поддерживать маску светского приличия, и в помещении воцарился тяжелый, осязаемый запах остывшего горького кофе, смешанный с едким ароматом старого, окисленного железа.

— Ты ведь не собираешься к психологу? — Алекс произнес это не как вопрос. Он стоял у верстака, его силуэт в полутени казался вырезанным из скалы.

Мария медленно покачала головой. Пальцы дрожали, и она сплела их в замок, словно пытаясь удержать остатки самообладания.

— Алекс, мне по-настоящему страшно закрывать глаза, — её голос сорвался на шепот. — Я боюсь, что в какой-то момент во сне я закричу, произнесу их имена или выдам себя произвольным жестом. Мой ИИ-помощник «Эхо» в квартире — это не прислуга, это надзиратель. Он фиксирует каждое изменение ритма моего дыхания, каждую фазу быстрого сна, каждую микро-судорогу мышц. Я живу в прозрачном кубе, где даже мои сны — это достояние системы.

Она подошла к нему вплотную, так, что почувствовала исходящий от него запах металла и табака. В её глазах, расширенных от отчаяния, светилась мольба.

— Помнишь, ты как-то обмолвился, что у тебя здесь припрятаны вещи... из тех далеких, хаотичных времен? Те, что не проходят по реестрам Утопии? Мне нужно что-то, что выключит мое сознание. По-настоящему. Мне нужно снотворное, которое не знает алгоритмов. Не мятный чай, который выдает Совет для отдыха, а то, что швыряет разум в темноту. Без сновидений. Пожалуйста, Алекс. Иначе я сойду с ума.

Алекс долго смотрел ей в глаза, словно пытался разглядеть предел её прочности. Затем он опустился на колени у края кровати. Раздался щелчок — потайная панель в полу отошла в сторону, обнажая тайник. Его рука нырнула в темноту и извлекла помятую коробочку. На её боках виднелись выцветшие надписи на языке, который Мария не могла прочитать.

— Это из старых армейских аптечек. Срок годности давно вышел, но химия в этих блистерах — настоящая, убойная — он протянул ей серебристую пластинку. — Одна таблетка — и ты провалишься в никуда. Никаких картинок, никаких детей, только пустота. Но будь предельно осторожна. Если датчики системы заметят, что твой пульс упал ниже критической отметки или дыхание стало слишком редким, к тебе в квартиру вломятся реаниматоры через пять минут. И тогда Марк уже не сможет стереть логи.

Мария взяла пластинку снотворного, их пальцы соприкоснулись. Алекс не спешил отпустить её руку. В самой тишине лофта проступило нечто, выходящее за рамки заговора. Между ними промелькнула искра притяжения двух одиночеств в стерильном мире. Мария на мгнове-

ние подняла взгляд, и в её глазах Алекс увидел безотчетную нежность. Он чуть крепче сжал её холодные пальцы, словно передавая ей часть своей гранитной уверенности. В этот миг они оба поняли: их связывает не только общая тайна, но и нечто гораздо более опасное для Утопии — истинное, не просчитанное ни одним ИИ чувство, которое они еще не решились назвать вслух.

— Спасибо, Алекс. Я буду тише воды, — искренне прошептала она, прижимая лекарство к груди как величайшее сокровище. — Мне... мне жизненно необходимо хотя бы одну эту ночь не быть той самой Марией, которой снятся запретные дети. Я хочу исчезнуть на несколько часов.

Алекс проводил её до массивной стальной двери, которая с тяжелым, плотным звуком отсекала тепло лофта от идеальной стерильности общего коридора «Индустрии-7». Он долго стоял неподвижно, прислушиваясь к затихающему эху её шагов по металлическому настилу.

Медленным, машинальным движением он опустил руку в глубокий карман своей потрепанной технической куртки и нащупал там небольшой, угловатый предмет — аппаратный ключ-дешифратор от своего старого ноутбука. Металл ключа был холодным, с острыми, неприятными гранями, которые впивались в кожу, словно напоминая о реальности скрытой в нем информации.

Глядя в пустоту коридора, Алекс чувствовал тяжесть своего знания. Завтра всё изменится. Он покажет ей скрытые сектора памяти устройства. Откроет правду, которая заставит позабыть о тихих снах, сменив их на кричащую явь.

Алекс знал то, о чем боялись догадываться аналитики: он владел списком тех, кто не сумел проснуться после «коррекции кэша» в Центрах Регенерации. Сотни имен, превратившихся в пустые цифровые оболочки. Тысячи личностей, чьи таланты были стерты ради поддержания гармонии. Он покажет ей лица тех, чьи «баги» были исправлены ценой существования.

В тусклом свете лицо Алекса казалось маской из серого камня. Он понимал: как только Мария увидит файлы, её мир разлетится на осколки. Но это был единственный способ спасти её от скальпеля, который занес над ней Марк. В тишине лофта Алекс сжал ключ в кулаке. Великая Ложь Утопии дала трещину. Завтра он нанесет первый сокрушительный удар.

ГЛАВА 6. ЖЕЛЕЗО И БАРХАТ

Если бы у Утопии было лицо — оно стало бы отражением Михаила. Тридцать лет, командир элитного центра, безупречная генетика. Спокойствие, которое не было пассивным, а сжималось, как раскаленная пружина.

В характере Михаила сочетались безграничное терпение и хирургическая беспощадность к любому нарушению. Он верил в Систему как в единственную преграду между человечеством и бездной хаоса. Эта вера делала его взгляд тяжелым, словно отлитым из горного хрусталя: командир видел людей насквозь, отделяя минутную слабость от системного гниения.

В личном общении он проявлял пугающую внимательность. Он запоминал мельчайшие детали: наклон головы, дрожание пальцев, паузу между словами. Для него не существовало мелочей, потому что из мелочей складывался профиль лояльности. При этом Михаил оставался глубоко одиноким человеком. Его единственной истинной привязанностью был Кодекс — свод неписаных правил чести, который он ставил даже выше алгоритмов ИИ. Он был аскетом духа, сознательно выжигавшим в себе любые привязанности, которые могли бы помешать ему нажать на курок, если того потребует безопасность города. Но за этой броней идеального исполнителя скрывалась тоска по чему-то настоящему — по той самой "честной схватке", о которой он проговорился в игре, и это противоречие делало его характер самой опасной миной замедленного действия во всей Утопии.

— Контакт! — голос Михаила хлестнул по залу, как удар хлыста.

В ту же секунду десять теней сорвались с мест. Это не был обычный спарринг — это была симфония контролируемого насилия в стерильном белом кубе тренировочной зоны. Пол, покрытый умным матовым эластомером, гасил звуки шагов, оставляя лишь прерывистое дыхание и сухой стук ударов. Михаил двигался в центре этого вихря, словно ось гигантского гироскопа. Он не отражал атаки — он предугадывал их за доли секунды до того, как боец принимал решение. Его ладонь мягко, нежно встретила кулак Яна, перенаправляя инерцию парня в пустоту.

— Баланс, Ян! Ты полагаешься на сервоприводы костюма больше, чем на собственные связи, — Михаил легко уклонился от подсечки другого курсанта. — В реальном бою система может выгореть. Что ты будешь делать, когда ЛСК не сможет оплатить энергию экзоскелета?

Он сделал выпад, остановив руку в миллиметре от горла противника. Пот катился по телам бойцов. Михаил заставлял их повторять циклы захватов до тех пор, пока движения не превратились в чистый инстинкт.

Вечером, когда искусственное солнце города уже скрылось за титановыми пиками небоскребов, сменившись мягким фиолетовым мерцанием ночной иллюминации, Михаил повел свою «первую десятку» в бар «Стальной узел». Это заведение было не просто местом для отдыха, а статусным пространством, стратегически расположенным на стыке двух реальностей: идеального жилого сектора и сурового промышленного ядра «Индустрии-7». Здесь, на этой невидимой границе, эстетика Утопии приобретала едва заметный металлический привкус, становясь более жесткой и лаконичной.

«Стальной узел» располагался на стыке жилого сектора и промзоны. Внутри — белые стены, приглушённый свет, запах спирта. Бойцы «первой десятки» заняли места за высокими столами, привычно осматривая пространство. Михаил стоял чуть поодаль, наблюдая.

— Эй, Ян, посмотри на это, — Денис, самый крупный из группы, кивнул на терминал, где светился рекомендованный «Успокаивающий мусс с экстрактом ромашки». — Система думает, что ты сегодня слишком перенервничал на ковре. Может, закажешь? Поможет тебе не плакать, когда командир в следующий раз уложит тебя на лопатки за пять секунд.

— Заткнись, Дэн, — огрызнулся Ян, потирая ушибленное плечо. У тебя самого индекс агрессии выше нормы.

Они негромко рассмеялись — сухим, коротким смехом людей, которые привыкли постоянно чувствовать на себе взгляд камер.

— Командир, это издевательство. Система сообщает, что мой лимит эля исчерпан — с досадой произнес Ян. Он тряхнул запястьем, демонстрируя мигающий индикатор на браслете.

Плечи Яна всё еще подрагивали после спарринга. В мире, где каждый глоток жидкости фиксировался центральным процессором, этот огонек на руке был эквивалентом строгого выговора.

Михаил незаметно кивнул бармену. Тот, седой и жилистый, с лицом, высеченным из бетона, подтолкнул к курсантам тяжёлую кружку. Напиток внутри был настоящим, «диким» — не проходившим через молекулярные дозаторы ИИ.

Под стойкой сработал локальный глушитель. Браслет Яна продолжал транслировать в систему идеальную «картинку» покоя, хотя по венам курсанта уже разливался живой, запретный огонь.

— Пей. — Михаил кивнул на кружку. — Иногда телу нужно то, что алгоритм не одобрит. Бой выигрывают не те, у кого нормы в порядке.

Ян бросил быстрый взгляд на свой браслет. Михаил заметил это и едва заметно коснулся своего коммуникатора.

— Не беспокойся. Бармен не просто так держит этот кварц, — негромко произнес командир.

Под поверхностью стойки сработал локальный глушитель — узконаправленное поле, которое создавало для биометрических датчиков в радиусе полуметра идеальную «картинку» покоя. Ян с опаской, но с жадностью приник к кружке. Первый же глоток настоящего, обжигающего напитка заставил его глаза расширяться, а по телу разлилось забытое, первобытное тепло. Браслет Яна продолжал транслировать в систему данные о том, что его владелец мирно потягивает воду, хотя на самом деле по его венам уже разливался живой, запретный огонь. Это была крошечная зона цифровой тени, купленная за огромные суммы баллов, которые бармен ежемесячно «терял» в пользу техников промышленного сектора.

Ян пил молча. После третьего глотка он поставил кружку — слишком резко, часть выплеснулась на стол. Никто не сказал ни слова. В «Стальном узле» не принято было спрашивать. Хочешь — скажешь сам. Не хочешь — нальют ещё.

Он смотрел в стол. Желваки ходили.

— Я сегодня чуть не сломался, — сказал он наконец. — На спарринге. Когда вы меня уложили в пятый раз. Не от боли. От злости. От того, что я ни на что не годен.

Кто-то отвёл взгляд. Крис кашлянул. Михаил молчал.

— Я вышел в коридор, — продолжал Ян. — Там никого не было. И я... сел на пол. Как ребёнок. И сидел. Просто сидел. Не мог встать. — Он стиснул зубы. — Я думал: всё. Не выйдет из меня ничего. Не зря у меня рейтинг ниже всех. Я — брак.

Михаил отставил кружку. Поднялся. Обошёл стол. Сел напротив Яна — не как командир, а как человек, который узнал в чужих словах что-то своё.

— Когда я был на твоём месте, — сказал он тихо, — меня уложили девять раз за одну тренировку. Девять. Инструктор стоял надо мной и ждал, пока я заплачу. Я не заплакал. Но вечером, в казарме, меня вывернуло от напряжения. Прямо на пол.

Ян поднял глаза. Михаил не улыбался. Не утешал. Говорил, как есть.

— Я тогда подумал то же самое: брак. Ошибка системы. Но знаешь, что я понял потом? Система не учит вставать. Она учит не падать. А это враньё. Все падают. Вопрос только в том, кто встанет.

Он протянул руку и подвинул кружку обратно к Яну.

— Вставай, курсант. Поговорим завтра.

За столом кто-то хмыкнул. Напряжение треснуло и осыпалось. Ян взял кружку. Руки ещё дрожали, но глаза уже смотрели иначе. Он не стал благодарить вслух — в их мире это было не нужно. Просто выпил.

— Вы часто спрашиваете меня в учебных классах: зачем тратить драгоценные ментальные ресурсы на социальные связи, если ИИ-совет и так обеспечивает нас всем необходимым — от калорий до эмоционального комфорта? — Михаил медленно обвел их тяжелым взглядом, в котором сейчас не было и следа уставной сухости. — Вы когда-нибудь видели старые архивные записи о том, как рушатся мосты? Каждая отдельная балка в такой конструкции может быть безупречна и крепка. Но если они не связаны между собой грубыми, калеными болтами, всё сооружение превращается в грудку мусора от первого же серьезного порыва ветра. Друзья — это и есть ваши болты. Когда система даст критический сбой — а она его даст, поверьте моему опыту, потому что ни один, даже самый совершенный алгоритм в мире не способен до конца учесть иррациональную человеческую ярость или первобытный страх — рядом с вами в этой темноте должен оказаться тот, кто не станет сверяться со своим текущим ЛСК, прежде чем протянуть тебе руку помощи.

Он на мгновение замолчал, задумчиво крутя в огромных ладонях тяжелую кружку. Блики от белых стен играли на янтарной поверхности напитка, а татуировки-змеи на его предплечьях казались застывшими в ожидании.

— У меня есть друг. Её зовут Мария, — негромко добавил он, и в его голосе проскользнула странная, болезненная теплота. — Она гражданский аналитик. Она совершенно не умеет обращаться с оружием и, скорее всего, окончательно потеряется в лесу через десять минут, если у неё отключится навигатор. Но пять лет назад, когда я еще носил нашивки обычного патрульного, мы с ней по чистой случайности оказались в эпицентре обрушения старого логистического склада в нижних ярусах. Мою левую ногу намертво придавило многотонной бетонной плитой, а локальный узел связи с ИИ мгновенно выгорел. Система в ту же секунду провела расчет вероятностей и официально признала меня «списанным ресурсом». Спасательные дроны не прислали — риск дальнейшего обрушения для дорогостоящей техники был признан слишком высоким по сравнению с ценностью одной человеческой единицы.

Курсанты замерли, боясь даже вздохнуть. В их картине мира термин «списание» был сухим, математически обоснованным фактом, аксиомой, которую не принято было обсуждать.

— Но Маша осталась, — голос Михаила стал жестким, как металл. — Здание оседало. Алгоритм орал ей «беги». Она не ушла. Шесть часов выгребал эту плиту. Пальцами. — Он сжимает кружку. — Я потом спросил: зачем? Она говорит: «Некем тебя заменить».

Михаил поднял голову и посмотрел в глаза каждому из своих бойцов.

— Она не смотрела на свой рейтинг, когда её одежда пропитывалась моей кровью. Она была моим другом. И если завтра наш мир перевернется с ног на голову, я буду точно знать: за моей спиной стоит человек, который не бросит меня в огне, даже если весь ИИ-совет в полном составе прикажет ей обратное. Вот зачем в действительности нужны друзья. Чтобы в этом бесконечном мире цифр и графиков оставалось нечто осязаемое, что нельзя измерить, взвесить или внести в отчет о благополучии.

Бойцы молчали. В этом безмолвии, повисшем под сводами «Стального узла», было нечто торжественное и пугающее одновременно. В глазах молодых курсантов, еще утром видевших мир как совокупность графиков и команд, появилось совершенно новое, не предусмотренное уставом выражение — сложная, лихорадочная смесь глубокого уважения к командиру и той самой «запретной» задумчивости, которая обычно приводила к снижению ЛСК. Они смотрели не на офицера, а на человека, который только что открыл им дверь в реальность, где верность другу стоит выше, чем верность алгоритму.

Казалось, слова Михаила о «болтах» и «списанном ресурсе» физически изменили обстановку в баре. Курсант Ян медленно поставил кружку на стол, и звук этого касания — глухой и настоящий — прозвучал как эхо в пустом храме. Никто не решался заговорить первым, боясь разрушить ту странную связь, которая только что возникла между ними.

Михаил поднялся, и за столом сразу стало тихо. Он положил тяжелую ладонь на плечо Яна, а затем обвел взглядом остальных.

— На сегодня всё. Возвращайтесь в жилые блоки поодиночке. Никаких групп, никакого лишнего шума. Спите крепко, парни. Завтра в ноль пятьсот — отработка сценария «Городская блокада». И... — он сделал паузу, и его взгляд на мгновение смягчился. — Спасибо за службу. Сегодня вы были чуть больше, чем офицерами.

Он коротко кивнул им всем — жест, который означал конец не только смены, но и этой минуты искренности. Его фигура в графитовом мундире казалась монументальной в резком свете диодов.

Михаил направился к выходу. За его спиной сомкнулись двери. «Первая десятка» ещё сидела в оцепенении, глядя на его пустую кружку — как на алтарь новой, ещё не осознанной правды.

У дальнего столика, скрытого в тени, Михаил услышал знакомый голос. Он замер. Узнал Марка сразу. Напротив, сидел мужчина в строгом костюме — один из Высшего Совета, архитекторов реальности. Они говорили тихо, но Михаил расслышал:

— Показатели гражданки Марии вызывают вопросы, Марк. Нам нужно полное досье на её «ночные сбои». Твой переход в Платиновый Совет будет утверждён досрочно.

Марк подался вперед, выходя из тени. Его лицо, которое Мария считала воплощением доброты, сейчас светилось хищным азартом. В глазах больше не было сочувствия — только сухой блеск игрока, идущего ва-банк.

— Я подготовлю всё к утру понедельника, — голос Марка звучал сухо, без тени тепла. — Я веду её мониторинг полгода. Каждый скачок пульса, каждая фраза о снах — всё собрано. Огромная честь помочь Совету очистить общество от подобных... системных багов.

Михаил не помнил, как он миновал пост охраны и оказался на улице. Он вышел из душного нутра бара, жадно вдыхая прохладный ночной воздух, который теперь казался ему отравленным. Его пальцы сжались в кулаки с такой сокрушительной силой, что в тишине пустого переулка отчетливо затрещали суставы, а татуированные змеи на предплечьях, казалось, налились ядом.

ГЛАВА 7. АРХИТЕКТОР ИСКАЖЕНИЙ

Марк обожал этот мир, доведённый до абсолюта. Стоя у панорамного окна, он вглядывался в собственное отражение на стекле — и видел интеллектуала с пронизательным лицом. Он всегда выглядел слишком безупречно, даже по меркам Утопии.

Марк ощущал себя не зрителем, а архитектором. Перед ним расстилалась не хаотичная городская застройка прошлого, а колоссальный, живой и безупречный механизм.

Утопия была физически осязаема. Шпили из «умного» стекла вонзались в лазурное небо, а каждый клочок земли — от крыш до эстакад — был укрыт идеальной, генетически модифицированной зеленью. Пахло хвоей и свежескошенной травой. Марк прижал ладонь к прохладному стеклу и почувствовал головокружение от осознания: этот мир стал предсказуемым и безопасным. Под его надзором.

Марк выстраивал свою жизнь как программный код, где каждая переменная имела свое назначение. Его амбиции не ограничивались карьерным ростом в Аналитическом центре; он метил в Высший Совет ИИ — святая святых системы, уровень, где биологический разум сливается с машинной логикой для управления планетой. Для Марка это была не власть, а миссия: окончательно стерилизовать человеческое существование, вырезав из него, как опухоль, «мусорные» атрибуты прошлого — иррациональные сомнения, липкие привязанности и хаос ночных сновидений, которые мешали продуктивности.

Ради этого пропуска в цифровое бессмертие он был готов демонтировать любые этические преграды. Даже его ближайшее окружение было лишь контрольной группой в затянувшемся социальном эксперименте. Мария, Алекс, София и Михаил считали себя его друзьями, не подозревая, что для Марка они — объекты наблюдения под предметным стеклом.

Отношения с Машей тянулись еще со времен Единого Центра Обучения. Она была его главной загадкой, живым воплощением «статистической погрешности». В её поведении была странная искра: Маша была непредсказуемой в эмоциях, но пугающе точной в выводах. Именно из-за этого парадокса Марк позволил ей остаться рядом. Остальные участники их компании — атлетичный Алекс, мечтательная София и прагматичный Михаил — были добавлены в этот круг лишь для полноты картины, создавая вокруг Марка убедительную, но абсолютно фальшивую декорацию человеческого тепла и верности.

Этот секрет был фундаментом, на котором Марк воздвиг свою безупречную жизнь, и одновременно трещиной, грозившей превратить её в руины. В день своего четырнадцатилетия, в сакральный для каждого гражданина «День Определения», он сидел перед мерцающим терминалом, и холодный пот, словно жидкий лед, стекал по его позвоночнику. Когда на экране ледяным шрифтом высветился вердикт Системы, реальность вокруг него на мгновение подернулась серой дымкой катастрофы.

«Рекомендованная специализация: Поставщик продуктов. Сектор логистики продуктов питания».

Для Марка, который уже тогда ощущал в себе искру создателя, этот приговор звучал как издевательство мироздания. Система, эта непогрешимая святыня логики, сочла его идеальным винтиком для развозки овощей по автоматизированным складам. Она предлагала ему жизнь в тени грузовых доков, в то время как он чувствовал в себе потенциал бога, способного перекраивать судьбы континентов. В тот момент в нем родилось нечто темное и решительное. Он понял: если мир не дает трон по праву, он возьмет его хитростью.

Тогда он совершил своё первое преступление. У него был приятель — гениальный техник-стажёр с доступом к ядру распределения данных. Марк методично внушал ему ужас перед возможной ошибкой Системы, пока тот, дрожа, не согласился «чуть-чуть подправить» код. Час

работы в системном реестре — и Марк официально воскрес в статусе аналитика с «высшим потенциалом».

Но триумф требовал зачистки. Единственный свидетель его позора стал невыносимым напоминанием. Пара правок в личном деле, несколько сфабрикованных отчётов — и парня «релоцировали» в закрытый промышленный пояс. Больше о нём никто не слышал.

С того рокового дня ложь перестала быть для Марка чрезвычайной мерой; она превратилась в самую ткань его существования, в невидимый интерфейс для взаимодействия с реальностью. Даже в редкие минуты мнимой искренности, например, во время психологической игры «Откровение», в которую они играли, Марк виртуозно дозировал правду. С притворным сокрушением в голосе он признался им, что совершил в жизни лишь одну серьёзную ошибку — подтасовал результат своего распределения. Эта «исповедь» лишь укрепила доверие друзей, сделав его образ в их глазах более человечным и уязвимым.

На самом же деле реальность была куда мрачнее. Марк не просто «подправил код» один раз — он превратился в теневого оператора системы. За годы работы в Аналитическом центре он вносил корректировки в алгоритмы тысячи раз. Он действовал быстро, стоило талантливому конкуренту подобраться слишком близко к должности в совете, как его показатели эффективности необъяснимым образом начинали ползти вниз, а в личном деле всплывали «скрытые дефекты лояльности». Марк расчищал себе дорогу, превращая социальный лифт в персональный эскалатор.

Но самым сложным проектом была Мария. Марк маниакально «подчищал» её показатели — не ради неё, а ради чистоты эксперимента. Она была уникальным биологическим артефактом, самым непредсказуемым «багом», который он когда-либо встречал. Он наблюдал за ней, как энтомолог за редкой бабочкой: как далеко зайдёт этот иррациональный элемент, если оградить его от карающих алгоритмов? Каждая её улыбка, каждый жест становились данными, которые он вплетал в канву своего восхождения.

Марк откинулся на глубокую спинку кресла, обитого синтетической кожей, и на мгновение закрыл глаза, позволяя тьме внутри себя поглотить ослепительный блеск утопии за окном. Его разум, отточенный десятилетиями анализа больших данных, работал как совершенный осциллограф. Он снова и снова прокручивал в памяти их вчерашнюю встречу, покадрово разбирая каждое движение Марии. Он видел микродвижения зрачков, зафиксировал задержку в ответе и считал пульс без биометрических датчиков — по пульсации жилки на шее и рваному ритму дыхания.

«Они больше мне не верят», — эта мысль не вызвала у него ни тревоги, ни печали. Это был сухой, лишенный эмоциональной окраски факт, очередная строчка в отчете об операционной деятельности.

Мария, всегда бывшая для него открытой книгой с живыми иллюстрациями, захлопнулась. Её согласие пойти к психологу выглядело слишком механическим, слишком правильным, чтобы быть искренним. В мире, где искренность считалась валютой, такая фальшь резала слух. Но, Марк не чувствовал боли. Обида в его системе ценностей была критическим дефектом архитектуры, атавизмом, свойственным лишь низшим социальным категориям, не способным к самоконтролю. Для него это было лишь внезапным усложнением алгоритма, новой переменной, которую следовало интегрировать в расчеты.

Он никогда не питал иллюзий относительно природы их связи. Марк был достаточно умен, чтобы понимать: то, что люди веками называли «дружбой», — не более чем биологическая уловка, архаичный механизм выживания из эпохи дефицита ресурсов. В мире, управляемом совершенным ИИ, этот механизм превратился в громоздкий, мешающий рудимент. Дружба иррациональна по своей сути; она заставляет систему совершать ошибки, приносить в жертву общую эффективность ради сомнительного комфорта отдельной единицы.

Дружба? Он усмехается про себя. Просто взаимная эксплуатация. Он им даёт защиту. Они ему — маскировку. Честная сделка.

«Вы сами выбрали этот путь», — подумал Марк. Если деталь начинает искрить, её не чинят. Её утилизируют. Даже если когда-то она делила с тобой одну парту. В мире высшей логики ностальгия — это сбой.

Одним коротким жестом он активировал защищенный канал связи, доступ к которому имели лишь единицы. Пространство кабинета наполнилось едва слышным гулом шифровального протокола.

— Досье на объект «Мария» структурировано на девяносто процентов, — его голос звучал сухо и без эмоционально. — К вечеру воскресенья я закончу финальную корреляцию и предоставлю полный отчет о её деструктивном потенциале. Могу ли я рассчитывать, что после этого мой официальный переход в Платиновый Совет будет утвержден без дополнительных проверок?

— Ваш вклад в стабильность системы неоценим, Марк, — отозвался безликий, лишенный всякой тембральной окраски голос, синтезированный высшими алгоритмами. — Продолжайте сбор данных. Порядок — это высшее благо, а любое благо требует соразмерных жертв.

Связь оборвалась коротким щелчком. Марк медленно подошел к окну, за которым раскинулся сияющий, залитый вечным солнцем и изумрудной зеленью город-сад. Теперь он смотрел на этот пейзаж иначе. Его заветная мечта о безграничной, абсолютной власти, о праве единолично определять судьбы миллионов, была уже на расстоянии вытянутой руки.

Больше не было никакой «дружбы», не было теплых вечеров и общих воспоминаний. Все человеческие связи окончательно превратились в сухие строчки кода. Осталась только финальная зачистка — последний шаг перед тем, как он сам станет частью великого и холодного Интеллекта.

ГЛАВА 8. ОСТРОВ ЗАБЫТЫХ ТЕНЕЙ

Работа курьера в мире торжествующего Интеллекта была чем-то средним между искусством невидимости и прогулкой по натянутому канату над бездной. В то время как его друзья наслаждались стерильным комфортом верхних ярусов — пока Мария в тишине белоснежного офиса перебирала цифровые массивы, а София в своей студии медитативно подбирала идеальные оттенки шелка для новой коллекции «эко-минимализма», — Алекс погружался в изнанку этой стерильной реальности. Его работа была живым доказательством того, что даже самая совершенная система имеет свои слепые зоны, свои «черные дыры», которые ИИ-совет предпочитал стыдливо не замечать в официальных отчетах.

Сегодняшний маршрут Алекса пролегал через Нижний город — колоссальный лабиринт, зажатый между фундаментом небоскребов и коренной породой. Это было царство заброшенных заводов и технических туннелей. На глубине сотен метров автоматика давно отказала: датчики движения транслировали помехи, а системы пожаротушения годами не калибровались.

Приборы здесь не давали сбой — им активно помогали выйти из строя. Жители Нижнего города, эти тени превратили саботаж в способ выживания. Они знали тысячи способов ослепить систему: от простого замазывания линз отработанным маслом до ювелирного выжигания сенсоров самодельными лазерами. Для них каждый вышедший из строя дрон или ослепшая камера были лишним метром свободы, территорией, где можно было говорить и действовать, не боясь за свою жизнь. ИИ-совет считал эти зоны техническим мусором, не понимая, что сам способствовал созданию идеального инкубатора для бунта.

Стены были покрыты слоями настоящей, древней пыли, которую роботы-уборщики старых моделей не успевали вычищать.

Алекс чувствовал, как под подошвами хрустит мусор. Каждый его шаг в этом индустриальном аду был выверен: он знал, где пригнуться, чтобы не попасть в объектив камеры, где ускорить шаг, чтобы миновать зону с повышенным радиационным фоном. Здесь, среди ржавого железа и забытых механизмов, он чувствовал пульс настоящей жизни.

Алекс не верил в алгоритмы счастья и ИИ-утопии; он верил в крепость узла на альпинистском тросе и в надежность руки друга.

Для него дружба не была «взаимной эксплуатацией» — она была единственным способом не сойти с ума в мире, где всё живое планомерно заменялось на безупречные симуляции. Он знал о «Нижнем городе» больше, чем любой архив Совета, и эта осведомленность делала его самым опасным элементом в окружении Марка, ведь Алекс видел не только блестящий фасад, но и гнилые сваи, на которых тот держался.

Алекс стоял неподвижно. В этой части подземелий, в глубокой тени колоссальных магнитных платформ, удерживающих эстакады верхнего мира, реальность казалась изъеденной ржавчиной. Здесь обитали «теньевые» — люди-призраки, чей Личный Социальный Код (ЛСК) был обнулен Системой. Для ИИ они превратились в статистический шум, в нули, которые официально перестали существовать, лишившись права на еду, медицинскую регенерацию и даже на имя.

Алекс невольно вспомнил Томаса. Тот был полной его противоположностью: нескладный, вечно взлохмаченный парень с ярко-рыжими волосами и россыпью веснушек, которые не мог стереть даже тусклый свет серверных. Томас был гением кодинга, но его губило патологическое любопытство и неумение вовремя промолчать. У него была привычка нервно крутить в пальцах старую медную монету, когда он задумывал очередную «проверку на прочность» для системных фильтров. Именно эта жажда докопаться до сути того, как работает ИИ-распределение, сделала его легкой добычей для Марка. Томас исчез тихо, оставив после себя лишь пустой

стол и недопитый кофе, который еще долго напоминал Алексу о том, как быстро Система стирает неудобных.

— Принес? — голос старика больше напоминал скрежет сухого металла. Он кутался в многослойные обрывки технической ткани, некогда бывшей изоляцией для кабелей, и его глаза, слезящиеся от вечного полумрака, лихорадочно блестели.

Алекс, не проронив ни слова, протянул пожилому мужчине увесистый сверток. Внутри были дефицитные биокапсулы с концентратом витаминов и портативный фильтр для воды — валюта, за которую в этих глубинах можно было купить самую опасную информацию. В ответ изгой, дрожащими пальцами, вложил в ладонь Алекса нечто, обернутое в промасленную, пахнущую мазутом ветошь.

— Всё ищешь правду? — старик закашлял, обнажая пустые дёсны. — Думаешь, там под парками — логика? На. — кивнул на снимок. — Остров Зеро. Для тех, кто много думает. Или громко спрашивает.

Алекс осторожно развернул ветошь. На его ладони лежал артефакт из другого мира — старый, пожелтевший от времени и сырости снимок. Края его обтрепались, но изображение сохранило пугающую четкость. На нем был запечатлен клочок суровой земли посреди бескрайнего свинцового океана. Суровый скалистый остров, увенчанный древним, еще доцифровым маяком и горсткой приземистых каменных домиков. С обратной стороны фотокарточки была написана ссылка в сети и координаты места на карте.

— Официально это называют «Санаторной релокацией», — прошипел мужчина, придвигаясь ближе, так что Алекс почувствовал запах затхлости. — Красивое слово для свалки живых отходов. Там нет технологий, нет «умного» тепла, нет роботов-садовников. Только ледяной океан, вечный туман, пробирающий до костей, и скалы. ИИ — рачительный хозяин, он не тратит энергию на тех, кто ему больше не нужен для расчетов. Там даже охраны нет, парень. Бежать оттуда некуда — вокруг тысячи миль черной ледяной воды, в которой человек замерзает за три минуты.

Алекс сжал снимок в кулаке, чувствуя, как его пальцы непроизвольно свело судорогой. Перед глазами всплыло лицо Томаса — того самого веселого техника, который когда-то «помог» Марку и исчез с радаров жизни.

— Если твоего Томаса отправили туда, забудь о нем. Оттуда не возвращаются ни люди, ни сигналы. Там только тишина, — старик отступил в густую, маслянистую тьму туннеля и буквально растворился в ней, прежде чем Алекс успел задать следующий вопрос.

Курьер остался один в тишине, нарушаемой лишь далеким гулом магнитных платформ. В его кармане лежал приговор его прошлому и, возможно, ключ к истинному лицу системы.

Час спустя Алекс сидел в сквере, запрятанном за каскадами плакучих ив, и ждал Михаила.

Дальний угол в сквере, запрятанном за каскадами генетически модифицированных плакучих ив, чьи ветви свисали до самой земли, создавая иллюзию абсолютной приватности, был единственным местом, где можно было говорить, не опасаясь вездесущих микрофонов роботов-садовников. Шелест листвы, настроенный на частоту, подавляющую звуковые волны человеческой речи, создавал здесь естественный «белый шум».

Михаил, всегда отличавшийся аналитическим хладнокровием и прагматизмом, на этот раз выглядел непривычно осунувшимся. Тень от ивовых ветвей прорезала его лицо глубокими бороздами, делая его похожим на человека, который только что заглянул в бездну и обнаружил, что бездна узнала его в лицо.

— Марк ведет двойную игру, Алекс, — Михаил начал без обычных светских вступлений, его голос вибрировал от сдерживаемого напряжения. — Я видел его вчера в закрытом секторе «Скай-Лаундж». Он был не один. С ним был куратор из Высшего Совета, один из тех «чистых», чьи имена стерты из общих баз. Марк сливает им всё, Алекс. Каждую крупницу данных о Марии.

Каждый её ночной кошмар, каждый подозрительный скачок пульса во время наших посиделок — всё это уже оцифровано и упаковано в отчеты для «коррекции».

Михаил на мгновение замолчал, сжимая пальцы так, что побелели костяшки.

— Он не «подчищает» её показатели, чтобы спасти, как мы думали. Он методично выстраивает для неё золотую клетку, ловушку с идеальной геометрией. Сдача Марии — это его входной билет в Платиновый Совет. Её жизнь — разменная монета в сделке за высший статус доступа.

Алекс почувствовал, как внутри него что-то окончательно надломилось. В кармане его курьерского комбинезона обжигало бедро старое, пожелтелое фото «Острова Тишины». В этот момент ярость — горячая, человеческая — столкнулась с ледяным расчетом опытного курьера-нелегала. Он понял, что Марк уже перешел черту, за которой нет возврата, превратившись из друга в эффективного ликвидатора.

— Нам нужно вытащить её, Миша. Немедленно, — голос Алекса прозвучал как удар затвора. — И Софию тоже. Она для него — такая же статистическая единица. Марк не остановится. Как только он получит статус, начнет зачистку всего круга. Мы для него — свидетели уязвимости.

Михаил молчал. Смотрел на листву. Потом сказал — тихо, как будто сам себе:

— Я двадцать лет верил в Порядок. А теперь... я не знаю, во что верить. Но я знаю, кого защищать. Может, этого достаточно. — Он не ждал ответа. Алекс не отвечал. Они стояли рядом, и в этом молчании больше согласия, чем в любых словах.

Алекс резким движением достал свой модифицированный терминал, экран которого был защищен антибликовым фильтром. Его пальцы уверенно заскользили по сенсору, активируя зашифрованный мессенджер, который он сам сконструировал для экстренных случаев.

— Я выхожу на связь с Марией прямо сейчас. Скажу, что есть критическая ошибка в логистике её района. Соберемся у меня в «безопасной зоне» на окраине промышленного сектора сегодня же вечером. Пора вскрывать карты и показывать им, что скрывается за этим изумрудным фасадом. Если мы не нанесем удар первыми, завтра нас уже может не быть в списках живых.

Михаил лишь коротко кивнул, понимая, что время вежливых разговоров и тайных наблюдений закончилось. Теперь начиналась война за выживание в мире, где самый страшный враг — это тот, кто знает о тебе всё.

Мария сидела в кафе «Гармония», но привычный уют стал удушающим. Напротив, София что-то увлечённо рассказывала о новой коллекции, но пальцы её дрожали. Она ждала сообщения от Михаила, и это ожидание было пропитано не романтикой, а глухим предчувствием беды.

Когда терминал Марии на столе ожил, она вставила наушник.

— Маша, слушай меня внимательно, — голос Алекса был лишен обычного тепла, он звучал как удар металла о металл. — Мне всё равно, какие у тебя планы. Ты берешь Софию и немедленно, сразу после смены, идешь ко мне в рабочий бокс.

— Алекс, я не могу так... — начала было она.

— Ты должна, Маша. Это вопрос не удобства, а физического выживания. Речь о Томасе и о том, что Марк делает прямо сейчас. У нас нет времени на объяснения по связи. Если ты мне веришь — будь на месте. Ждать я не смогу.

Мария почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она впервые слышала Алекса таким — в его голосе была не тревога, а окончательная, пугающая ясность. Она поняла: случилось то, чего они боялись больше всего.

Связь оборвалась с коротким, холодным гудком.

Мария подняла глаза на Софию и увидела в них отражение собственного ужаса. Праздник «изумрудного бархата» закончился. Теперь за ними наблюдала не заботливая система, а их лучший друг, превратившийся в самого опасного охотника.

— Нам нужно идти, — тихо произнесла Мария, поднимаясь.

София лишь молча кивнула, её пальцы судорожно сжали лоскут шелка. На выходе из кафе они замерли на мгновение. Каждая должна была вернуться на свой пост, чтобы не вызвать подозрений у системы мониторинга до конца рабочего дня.

— Будь осторожна, Соф, — Мария коротко коснулась плеча подруги.

— Увидимся у Алекса, — София постаралась улыбнуться.

В сквере, Михаил уже повернулся уходить. Вдруг остановился:

— Алекс.

— М?

— Если что-то пойдёт не так... ты первый, кому я позвоню.

Алекс кивнул. Этого достаточно. В их мире «я позвоню» — это высшая форма доверия. Потому что звонок можно отследить. Звонок — это риск. И они оба это знают.

Они разошлись в разные стороны по идеально чистой аллее, превращаясь в двух одиноких прохожих среди тысяч других, еще не зная, что это их последний «нормальный» рабочий день в этом городе.

Вечер в промышленном секторе «Индустрия-7» не имел ничего общего с изумрудным сиянием центральных районов. Здесь закат не золотил шпили, а лишь окрашивал грубые бетонные стены технических ангаров в безрадостный цвет запекшейся крови и сырого асфальта.

Мария и София вошли вместе, словно присутствие друг друга могло защитить от невидимой угрозы. Обе были бледными. На лице Софии застыла маска неверия, а Мария, напротив, казалась собранной, хотя пальцы сжимали ремешок сумочки. Михаил уже ждал их: он неподвижно застыл у узкого окна-бойницы, его взгляд был прикован к красноватым огням патрульных дронов, которые методично чертили сетку безопасности над районом.

В комнате собрались все. Кроме Марка.

Его отсутствие ощущалось острее, чем если бы он был здесь. Пустое кресло в углу, где он обычно сидел, теперь превратилось в немое напоминание о предательстве.

Алекс медленно подошел к металлическому столу в центре комнаты. Он не стал тратить время на утешения или долгие предисловия. Резким движением он выложил на середину стола пожелтевший снимок. Рядом лег ноутбук, экран которого светился синим светом, отображая файлы из архивов Нижнего города.

— Ну что, друзья, игры в «откровения» закончились. Вы готовы узнать, куда на самом деле уезжают «в бессрочный отпуск» наши коллеги и что система приготовила для каждого из нас?

Он нажал клавишу на клавиатуре, и на экране ноутбука поползли строки кода — досье на объект «Мария», снабженное графиками её деструктивных паттернов и пометкой «К ликвидации через релокацию».

ГЛАВА 9. КОД МОЛЧАНИЯ

Михаил замер у окна в квартире Алекса, заложив руки за спину. В скудном свете уличных фонарей, пробивавшемся сквозь невымытые стекла, его мощная фигура казалась монолитным изваянием. Он полностью перекрывал собой бледное сияние города, отбрасывая на Марию и Софию длинную, угольно-черную тень, которая, казалось, жила своей жизнью, медленно расползаясь по выцветающим обоям.

Алекс, ссутулившись, сидел на корточках перед своим «тайником» — вскрытой стеной панелью, откуда тянулись змеи проводов. Его лицо, обычно живое и подвижное, сейчас застыло, став мертвенно-бледным в мертвенно-синем, фосфоресцирующем сиянии старого ноутбука. Блики монитора отражались в его расширенных зрачках, превращая их в два холодных экрана.

— Послушайте меня внимательно, — голос Михаила прозвучал неестественно глухо, вибрируя где-то в грудной клетке слушателей, как отдаленный рокот лавины, которая еще не видна, но уже начала свое смертоносное движение.

Он не оборачивался, и от этого его слова казались еще более весомыми, окончательными.

— Марк нас сдал. — Михаил не оборачивается. — Он не спасает твои сны, Маша. Он их копит. Чтобы продать. Наша свобода — его билет наверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.